

КРЕСТЬЯНСТВО РОССИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

И.Е. Кознова

Русское крестьянство в российском цивилизационном процессе

Irina E. Koznova

The Russian Peasantry in the national civilizational process

В статье рассматривается взаимодействие аграрно-крестьянского компонента российской истории и отечественной цивилизационной динамики. Выявляются возможности и пределы крестьянства, обладающего логикой своего пограничного природно-социального существования, преодолеть собственно рамки «крестьянской цивилизации», ее нормативность и самодостаточность и включиться в цивилизацию иного уровня и типа. Наибольшее внимание уделяется периоду с конца XIX до конца XX в., когда в России дважды происходила смена типов цивилизационного движения, шла урбанизация страны, социальные тенденции характеризовались активным раскрестьяниванием. Выявляется соотношение традиций и новаций в сельской среде. Изучаются изменения в крестьянстве и способах его коммуникации с властью и городом.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, русское крестьянство, земля, община, государство, город.

The article deals with the interaction of the agrarian-peasant component of Russian history and the national civilizational dynamics. The peasantry possesses the logic of its borderline natural and social existence. The article studies the possibilities and limits of the peasantry to overcome the actual framework of the “peasant civilization”, its normativity and self-sufficiency and to join a civilization of a different level and type. The main attention is paid to the period from the end of the XIXth to the end of the XXth century. This period was twice distinguished by the change of types of the civilizational movement, as well as the urbanization of the country. Social trends were characterized by active de-peasantization. The correlation of traditions and innovations in the rural environment is revealed. The changes in the peasantry and the ways of its communication with the authorities and the city are studied.

Keywords: Russia, civilization, Russian peasantry, land, community, state, city.

Из сермяжников и в бархатники выхаживали
В. Даль. Толковый словарь живого
великорусского языка

Россию нередко называют «аграрной цивилизацией», «крестьянской цивилизацией», «аграрным обществом». Действительно, до середины прошлого века сельское население преобладало. Несомненно, аграрный «профиль» страны придавал своеобразие ее цивилизационной динамике; последствия отмеченного значимы и сегодня, когда Россия стала посткрестьянской. Задачей статьи является анализ факторов влияния и воздействия аграрно-крестьянской составляющей на российский цивилизационный процесс.

Наиболее жесткое определение содержания связки «крестьянство – цивилизация» дал в свое время К. Маркс: «варварство внутри цивилизации» [61, с. 42]. Долгое время это утверждение довлело над его последователями и интерпретаторами. Причем исчезновение крестьянства, его уход с исторической сцены предполагался в равной степени сторонниками прямо противоположных прогрессистских взглядов на общественное развитие.

В осмыслении предложенной Марксом формулировки значима роль крестьяноведческих исследований (peasant studies) – междисциплинарной области знания, развившейся в западном обществоведении в 60–70-е гг. XX в., опирающейся на антропологическое видение крестьянства, коррекцию стадийно-классового подхода для понимания его перспектив в современном мире. На становление теоретической базы и аналитического аппарата крестьяноведения большое влияние оказали поиски подходов к изучению крестьянства таких ученых, как А.В. Чаянов, П.А. Сорокин, Ф. Сяодун, Ф. Знанецкий.

В крестьяноведении обращается внимание на фундаментальное сходство крестьян разных эпох и частей мира («какая-то основательная крестьянская одинаковость»), выделены родовые признаки крестьянства, тип жизненного обустройства, в котором природное и социальное находится в неразрывной взаимосвязи. В самом общем виде крестьянами называют (как Э. Вульф) тех, для кого сельское хозяйство – способ существования, образ жизни, а не доходный бизнес [88, с. 118]. В определении Т. Шанина подмечены основные черты традиционного крестьянского хозяйства и крестьянства как общественного слоя: крестьяне – это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти [88, с. 83]. Структурообразующим элементом, первичной структурой крестьянского производства, потребления и социальной организации предстает именно семейное хозяйство как единое целое, как микросистема [19; 20], а отождествление семьи и дворохозяйства типично для крестьянского мировосприятия [43; 75].

Общим для крестьянства является существование в рамках малого сообщества (его историческая модификация – сельская соседская община), где отлаживаются различные формы сотрудничества, реализуются социальные и религиозные потребности. Так же, как через семейное хозяйство, через малое сообщество выражается статика крестьянства – замкнутость в локальном мире, отчужденность от внешнего социального (хотя в действительности относительная). Но также и динамика, поскольку малое сообщество отличается своеобразием в разных частях света и в разные эпохи. Крестьянское самоопределение реализуется в терминах принадлежности к семье и роду, а также к локальной общности.

Объединяет крестьян и их отличная от других слоев населения культура, тесно связанная с обусловленным природными ритмами трудом. При этом крестьянская культура имеет практический характер, «заточена» на хозяйственную деятельность, цель и смысл которой заключается в поддержании и продолжении жизни в самом буквальном смысле слова. В этом ярко проявляется принцип целостности, равноценности всех сторон крестьянского бытия. Целостность предполагает выработку единообразных и общепризнанных правил поведения, ориентированных на воспроизведение прошлых образцов жизнедеятельности, крестьянского этоса, коллективной памяти и общей картины мира – крестьянами рождаются, а не становятся. В то же время, как подчеркивал Т. Шанин, специфика каждой национально-крестьянской культуры столь велика, что он считал нецелесообразным вводить этот признак в общее определение крестьянства.

Не будет лишним обратиться к крестьяноведческим исследованиям в аспекте цивилизационной проблематики, поскольку в них подчеркивается непосредственная, прямая, тесная связь между появлением собственно крестьянства как особого хозяйствующего слоя и цивилизацией. Так, согласно Э. Вульфу, можно с полным основанием говорить о крестьянстве лишь при том условии, что земледелец интегрирован в общество с государственными структурами (для Э. Вульфа, отдельные положения концепции которого пересекаются с формационной теорией, государство и цивилизация во многом тождественны. – *И.К.*), т.е. когда он становится объектом распоряжений и санкций со стороны представителей власти, внешней по отношению к его социальной среде. И во многом именно цивилизация задает динамику крестьянству: вопреки стереотипам о неподвижности крестьян, они постоянно находятся в поисках решения основной дилеммы – увеличения производства или сокращения потребления. Собственно, главное для Э. Вульфа в аспекте включенности крестьян в цивилизационный процесс – как они приспособляются к общественному порядку [88, с. 118–122].

С точки зрения Р. Редфилда, важнейшим отличительным признаком цивилизованности является степень интегрированности крестьянских малых

сообществ во внешние социальные структуры, в более широкое общество. Для него отношения «деревня – город» оказываются не менее важными для типологизации крестьянства, чем связь с землей и сельскохозяйственный характер основных занятий. Для «классика» крестьяноведения более значимым являлось то, что с ростом и распространением цивилизации повсеместно в крестьянских обществах наблюдается проникновение города в деревню, и процесс этот взаимный, т.е. город выступает одновременно и условием крестьянского существования, воспроизведения крестьянина как человека.

Ссылаясь на А. Кребера, Редфилд настаивал, что в целом культура крестьянского сообщества не автономна, а представляет собой один из аспектов той цивилизации, частью которой она является: «Я хочу рассмотреть крестьянство как сельское измерение сложившихся цивилизаций. Кребер формулирует это просто: крестьяне, будучи сельскими жителями, живут в контакте с рыночными городами; они являются частью более широкого общества с городскими центрами. Они составляют частичные общества с частичными культурами».

Культура крестьянского общества является двухуровневой: нижний представлен собственно культурой крестьянских сообществ, а на верхнем находится культура образованной (цивилизованной) части общества, и поэтому в цивилизации проявляется двойственность крестьянства. Для Редфилда формы и уровень взаимодействия большой и малой традиций, собственно, и создают в совокупности цивилизацию, часть которой представлена крестьянством [88, с. 334–336].

Крестьянство одновременно и глобальный социальный слой, и в то же время не поддающийся универсализации, особенно когда речь идет о вписывании его в унифицированные схемы общественного развития. В этом плане крестьянство – «неудобный класс», с выраженной эксплоярностью форм своего существования [98; 101], внеформационностью [90, с. 342]. Подобное двуединство и делает для крестьяноведения продуктивным рассуждение о крестьянстве в цивилизационном аспекте, которое резюмировал А.В. Гордон: в крестьянстве как субъекте исторического процесса проявляются общечеловеческие устремления, но в своей крестьянственности (образ жизни в органическом единстве природного, социального и культурного) оно в качестве субъектного самоопределения выражает стремление к всечеловеческому [19, с. 7].

Некоторые исследователи, как Дж. Скотт, определяющим в деятельности крестьянства – «исконной крестьянской задачей» – называл нацеленность на выживание, стремление обеспечить само свое существование, избежать риска голода, акцентируя тем самым натуральность крестьянского хозяйства [88, с. 29–30]. Как выразился другой исследователь крестьянства, «раз-

ложение деревни есть питательная почва цивилизации» [88, с. 29–30]. Подобный подход, основанный на простой бинарной оппозиции традиционность/современность (модерность), полагает крестьянство чуждым модерности из-за его консерватизма. Ему противостоит позиция об адаптивности крестьянства, о взаимном проникновении и взаимодействии, составляющих оппозицию применительно к конкретным аграрным обществам [50; 88].

Разговор о всемирном выражении цивилизации и цивилизованности касается в крестьяноведении ее урбанизированной, индустриальной и рыночной составляющих в самом общем виде.

Если отойти от крестьяноведения и обратиться к общеметодологическим вопросам цивилизационной проблематики, то следует обратить внимание на постановку вопроса А.А. Кара-Мурзой о недостаточности противопоставления варварства и цивилизации в оппозиции «архаика – модерн» и необходимости коррекции ракурса рассмотрения в фокусе «бытие – небытие», т.е. борьбы цивилизации с собственным варварством – социальным распадом [38].

Рассуждая о цивилизации во всемирном аспекте (общечеловеческое) С.А. Никольский конкретизирует ее содержательное институциональное наполнение (частная собственность, рынок, демократия, гражданское общество) и механизмы его установления (разделение властей, верховенство закона, базирующийся на свободе совести политический и идейный плюрализм, права и свободы человека). Конкретно-цивилизационное (всечеловеческое) проявление этих форм связывается им с действием политико-правовых принципов и культуры. Применительно к цивилизационному процессу в России С.А. Никольский приходит к выводу о поступательно-возвратном, «мерцающем» характере российского движения в сторону цивилизации (процесса цивилизования), его колебании между полюсами «цивизованности» и «варварства» в силу наличия ряда исходных и фундаментальных констант – империя, самодержавие, соединение власти и собственности (собственности/бессобственности), народ (народность) и православие [71].

Рассмотрение цивилизационного процесса в России Ю.Д. Гранин и А.А. Кара-Мурза связывают с анализом присущих ей типов цивилизации. Характеризуя базисную комбинацию факторов, определяющих тип цивилизации в России, А.А. Кара-Мурза отмечает, что они представляли собой по преимуществу аграрное сословное общество с доминированием православия в религиозной сфере [37]. Ю.Д. Гранин пишет о потестарном государственно-общинном способе производства [24, с. 92].

Традиции крестьянского хозяйствования

Конкретизируя вышеприведенные суждения, следует подчеркнуть значимость важнейшего для российского цивилизационного движения фактора, связанного с колонизацией. Она проходила при активном участии народа, власти, церкви, причем на первых порах доминировала инициатива индивидуальных земледельцев. Но в целом хозяйственно-политическое становление и развитие российского общества сопровождалось ростом и распространением верховной собственности государства на колонизируемые земли. При этом в исследованиях подчеркивается, что использовать понятие «земельная собственность» по отношению к России периода Средневековья и раннего Нового времени следует с определенной долей условности [22]. Кстати, специфичность содержания этого понятия отмечал и Ж. Ле Гофф для Западной Европы: «Собственность как материальная и психологическая реальность была почти неизвестна в Средние века» [55, с. 126–127].

Основным видом хозяйственной деятельности, даже при передвижении в лесную зону, являлось земледелие. Развивались также скотоводство, промыслы, местные рынки. Само наименование «крестьяне» (от «христиане») появилось с XIV в. и распространялось на сельское население, несшее повинности в пользу государства¹ или зависимое от частных владельцев. В специальной литературе обращается внимание на то, что хотя исторически и логически линия развития шла как будто от форм государственной собственности (и, соответственно – государственной зависимости непосредственных производителей-крестьян) к частным (светским вотчинникам, помещикам, духовным корпорациям), государственная компонента земельной собственности оставалась ведущей [22; 65].

Колонизация по принципу трудовой оккупации² сопровождалась распространением и укреплением территориальной (соседской) общины – «мира». До XVI–XVII вв. община существовала в пределах волости (позже – села или деревни) и являлась формой социальной и хозяйственной жизни сельского населения. Она обеспечивала потребности отдельных крестьянских дворов, выступая регулятором частного и общественного интереса при семейном пользовании и общинном владении, в чем и проявлялся дуализм.

¹ Такие крестьяне назывались «черные», т.е. тяглые, или «черносошные». «Черные» земли располагались в основном на Русском Севере и на вновь присоединенных территориях; «черные» крестьяне (с петровского времени – государственные) составляли в 1852 г. 45% земледельческого населения.

² Наиболее распространенным способом освоения новых территорий земледельцами была «починковая колонизация», а хозяйствующей единицей «починок» – однодворное поселение, «прообраз» будущей деревни, размер которой долгое время составлял два-три двора.

Именно частное начало в лице крестьянского дворохозяйства, руководствуясь практическими, утилитарными соображениями, оставляло общине те функции и права, которые были необходимы для успешной жизнедеятельности индивидуальных хозяйств [2, с. 69–129, 436–453; 22, с. 30–36]. Фактором живучести общины в России служили специфические природно-климатические условия исторического центра страны. Именно там земледелие во многом было рискованным, а потребность крестьян в своем малом сообществе основывалась на принципах «культуры пропитания» с установкой «главное – выжить» в пределах имеющихся ресурсов. Община, как отмечал Л.В. Милов, выполняла компенсационные функции [64, с. 383–482, 556]. В то же время общинная система воспроизводилась практически на всей территории, где жил и которую колонизовал русский крестьянин, а усадебные земли фактически приближались к «частному владению», и именно по отношению к ним в сознании крестьян-общинников укоренилось к концу XVIII в. представление о праве «собственности». При этом наиболее широкими правами самоуправления отличалась община на Русском Севере и в Сибири. Здесь же на государственных землях было распространено подворно-участковое землепользование.

Наличие некогда большого фонда свободных земель, традиции захватной практики землепользования закрепили в народном восприятии и памяти образ земли как «Божьего дара» и специфический взгляд на собственность, в основе которого лежало представление о принадлежности земли Богу, т.е. обществу в целом, и о земле-кормилице («мать – сыра земля»). Признание трудового принципа землепользования позже, в крепостную эпоху, давало крестьянам право смотреть на господскую землю как на бывшую свою. Метафорическая «крепость земле», таким образом, выступала родовым признаком. Реальная же «крепость земле» (запрет перехода крестьян от одного господина к другому) устанавливалась с конца XVI в.

Труд на земле как первоисточник имущественных прав выступал для земледельца и основанием принадлежности к христианскому сообществу. Образ земли ассоциировался с образом Богородицы. В этом смысле несомненна тесная связь между той ценностно-цивилизационной «закваской», о чем ведет речь А.А. Кара-Мурза [37], и сельским производителем, которая впоследствии поддерживалась властью столетиями. Правда, в силу природообусловленности крестьянского труда конфессиональная принадлежность земледельцев выражалась в форме «народного православия», с заметной долей дохристианских представлений. А. Платонов, уделивший крестьянской проблематике значительное место в своих военных рассказах [43], отмечал в «Записной книжке» 1942 г. присущее народу христианское восприятие: «Крестьянин едет “ко двору” – оказалось на тот свет, домой. Жизнь действительную, на земле, он считал постоянным неустроенным дво-

ром» [76, с. 225]. В написанном примерно тогда же, но опубликованном лишь в 1963 г. рассказе «Старый человек Никодим» звучало (возможно, по цензурным соображениям) заявление литературного героя: «Я же человек ветхий, мне уж пора ко двору – в землю» [77, с. 47–52], вполне в духе крестьянского природного мировосприятия.

Подобный синкретизм ярко проявил себя в XX столетии, например, в годы Первой мировой войны и революции [1, с. 223–318], в коллективизацию [14, с. 61–86, 180–190], сохраняясь в российской деревне до последнего времени [84, с. 219–609]. К тому же религиозное поведение крестьян тяготело к обрядово-ритуальной стороне. Однако в главном – в том, что касалось личности, человеческой души, а не тела, приоритет был у православия. При этом важной составляющей русской культуры были явления народного еретизма на христианской почве, юродство, внецерковные и внерелигиозные элементы (скоморошество).

Колонизация являлась одновременно порождением экстенсивного пути исторического развития Руси/России и его побудительной причиной. Вхождение в состав России огромных территорий, главным образом в качестве «государевой вотчины», усилило позиции самодержавия. Это беспредельно расширяло его властные полномочия по отношению к крестьянину не только как к представителю основного податного сословия, но и как к человеку. Именно в этой власти/собственности на людей, как справедливо отмечает С.А. Никольский, самодержавие может рассматриваться в качестве одного из основных атрибутов варварства.

Отток населения из центра Европейской России стимулировал установление и упрочение крепостнических порядков именно в этом регионе. Причем характерные для него процессы имели структурообразующее значение для всей страны. И как раз здесь (а впоследствии в Поволжье и отчасти на Юге) община стала составной частью системы «государственного феодализма» и крепостничества, их важным сопутствующим звеном. На «черных землях» общины превращались в государственные единицы управления. Государство и частные владельцы максимально использовали административные функции общины для обеспечения рекрутской повинности и выполнения податных обязанностей крестьян. В частности, возникновение и укоренение с XVI–XVII вв. в центральных районах земельных переделов, ориентированных на обеспечение общей тяглоспособности членов конкретной общины, было связано прежде всего с фискальным давлением государства [22, с. 34–364; 2, с. 69–129, 436–453].

Идеология и практика крепостничества – во многом благодаря общине – сохраняла во владельческой деревне архаичные формы хозяйствования и быта, поддерживала патернализм, особенно в провинции («казенному просторнее, барскому спокойнее»). При этом помещичье и крестьянское хо-

зайство, тесно связанные в поддержании самодостаточного характера обоих, взаимно дополняли друг друга. Помещичье хозяйство помимо эксплуататорской функции выполняло и страховочную, община – стабилизирующую по формуле «нужная умеренность в жизни», «нужное терпение в жизни» [39, с. 23–134]. Собственно, и антикрепостнические, антидворянские выступления крестьян с их идеей «царя-избавителя» были направлены не против существующего строя, а против нарушения властями и владельцами принципов «моральной экономики», обычного права и «этики пропитания» [88, с. 26–70]. Немало общего было между общиной и крестьянскими семьями в принципах организации и функционирования. Они органически дополняли друг друга в выполнении всевозможных обязательств, сохранении патриархальности деревни, поддержании, по выражению Б.Н. Миронова, корпоративного крепостного права, сдерживании индивидуальной инициативы [65, с. 368–369]. При этом известны случаи выдвижения зажиточных крестьян на главные роли в системе вотчинного управления, фактически подменявшего собой сход. Значимыми для исторической специфики России в аграрном преломлении являлись устойчивая связь понятий «Царь» и «Бог» в народном сознании, сочетание христианской этики с нормами обычного права, ориентация крестьян на сильную государственную власть, представление о посреднической миссии «справедливого государя», тесное переплетение в народной психологии мирской и монархической традиций. Народным воззрениям было присуще окрестьянивание царской персоны, наделяемой ими чертами «справедливого государя», например, Петра I [11, с. 82–92]. Впрочем, отмеченное было не лишено конфликтности. Крестьянская среда являла также примеры неприятия официальной идеологии (староверие, духовное христианство и др.).

На протяжении веков ведение сельского хозяйства в России дополнялось разнообразными внеземледельческими занятиями крестьян – промыслами, включая отхожие, экономическая эффективность которых нередко оказывалась выше, чем у аграрного производства. «Капиталистским» крестьянам принадлежала своя ниша в системе рыночных отношений, в т.ч. в земельных сделках. Торгующие крестьяне составляли серьезную конкуренцию купечеству, которое, в свою очередь, пополнялось выходцами из крестьянского сословия. Развитие рыночных отношений продемонстрировало возможность цивилизующей миссии дворянских усадеб. Они являли собой пример «культурно-хозяйственных гнезд», способствующих возникновению в конце XVIII – первой половине XIX в. в нечерноземной полосе рационализаторского движения, включавшего в свой круг как помещичью усадьбу, так и под ее влиянием крестьянскую деревню, а также крестьянского сельскохозяйственного образования [39, с. 320–383].

Сельская Россия в процессе модернизации

Великие реформы 1860-х гг., отмена крепостного права дали мощный импульс урбанизации и рыночной перестройке экономической и социальной среды. Наиболее отчетливо она просматривалась в торгово-промышленной сфере. Но и аграрная среда также была затронута трансформационными процессами; реформа придала освобожденному крестьянству энергии, открыла новые возможности. Расширялся внутренний продовольственный рынок, повышалась товарность производства; росли крестьянские накопления в сберегательных кассах; бурно развилась сельская кооперация; активизировались сельские миграции в города и на вновь осваиваемые территории. В освобожденном крестьянстве таились энергия и мощный импульс. Крестьянство постепенно занимало доминирующие позиции в производстве и на рынке. Однако отмеченные процессы протекали в аграрном секторе в большей степени противоречиво. Сохранялись многие традиционалистские и крепостнические пережитки (дворянские латифундии, общинно-надельное крестьянское землевладение и пр.).

Две основные формы организации и ведения сельского хозяйства – частновладельческая, в основном дворянско-помещичья, и крестьянская, находясь в тесном симбиозе, с трудом адаптировались к новой ситуации. Низкой была культура полеводства и животноводства в массе крестьянских хозяйств. Крестьянское производство в большинстве носило мелкотоварный, а то и натуральный характер. Существовали большие зоны рискованного земледелия, неосвоенных земель. В то же время вследствие демографического взрыва в центральных губерниях Европейской части страны отмечались крестьянское малоземелье и скрытое аграрное перенаселение, составлявшее, по разным источникам, от 23 до 32 млн душ. Была неразвита инфраструктура переработки и хранения сельхозпродукции [48; 82, с. 13–14].

В начале XX в. Российская империя была аграрно-индустриальной страной: по данным переписи 1897 г. сельскохозяйственное население составляло 77,2%; три четверти его было неграмотным [67, с. 11, 22]. В целом деревня представляла собой традиционное общество, в котором понятия порядка и обычая выражали профанно-сакральное единство жизни, ориентированной на идеалы Правды и Справедливости («чтоб никому не было обидно»), на поддерживаемую общиной («мир – велик человек, хоть и из малых людей»; «мир – велик человек, всякого прокормит») преемственность прошлых, нынешних и будущих поколений. Кредо крестьян Пензенской губернии Инсарского уезда: «Если будешь делать все по старине, судьба будет тебе помогать, а по-своему – тогда на судьбу не жалься» – точно выражало ценности всего крестьянского мира [8, с. 13]. Сохранялся низкий уровень социальной мобильности крестьян, потребительский характер их хозяйств. Значимой была также сегментация крестьянского общества (крестьянская семья, клан,

соседская община, деревня), перекрывавшая внутреннюю дифференциацию крестьянства, которая к тому же носила циклический характер. Масштабы капиталистического раскрестьянивания были незначительны³. Сохранились сословные ограничения крестьян, многочисленные формы взаимной зависимости между крестьянскими и помещичьими хозяйствами. В целом крестьянство оставалось бедным, наиболее эксплуатируемой и бесправной частью населения [5; 83; 85; 86; 98; 101].

Община имела региональные и функциональные различия. Так, в центральных, «староосвоенных» губерниях Европейской части страны были сильны распределительно-передельные функции, общинный порядок носил принудительный характер и стимулировал аграрное перенаселение. До определенного момента аграрная политика правительства базировалась на патернализме и бюрократической опеке общины, поддерживая «общинное закрепощение». В общине видели опору государственности, средство защиты крестьянства от пролетаризации, способ удержать сельское население в привычных социальных рамках, наконец, удобную форму решения фискальных задач. Власть стремилась поставить крестьянское самоуправление под контроль госаппарата, сохранить его особый правовой, имущественный и хозяйственный статус, ведущий фактически к социально-политической и культурной изоляции. Вместе с тем значительно усиливались, особенно с начала XX в., контакты деревни с различными представителями внешнего по отношению к ней мира, развивалось образование, расширялись информационные поля коммуникации.

Собственно, с этого момента начался отсчет того вектора цивилизационного движения, по поводу оценки которого в контексте понятий модернизация/модерность применительно к поздней Российской империи, а затем и СССР в историографии ведутся оживленные дискуссии [29]. Ю.Д. Гранин пишет о завершении формирования на рубеже XIX–XX вв. «культурного ядра» новой российской цивилизации современного типа, отмечая ее гибридный характер из-за сохранности у преобладающей части населения – крестьянства архаических форм жизни и мысли [24, с. 95]. С.А. Никольский видит в либеральных реформах Александра II с их идеей европеизации России попытку преодолеть логику российских констант на пути отечественного цивилизирования. Однако слабым звеном в этом процессе признает нерешенность вопросов собственности в ходе аграрно-крестьянских преобразований [71, с. 115].

³ Под раскрестьяниванием понимается процесс сокращения численности и удельного веса *крестьянства* в составе сельского населения, снижения доли сельскохозяйственного производства крестьянских хозяйств в общем объеме аграрного производства, а также радикальной трансформации базовых институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс: семейного дворохозяйства, общины, традиционной культуры и образа жизни [35, с. 130–131].

Сторонние промыслы и отход на заработки в город создавали двойственное положение деревни: подрывая патриархальный уклад, они до поры поддерживали его существование. Но включение крестьянина в «большое общество» меняло земледельца, оказывающегося за пределами привычного деревенского мира в ситуации «жить там без всякого надзора». Преобладающим было внешнее приобщение к городской культуре или скорее к отдельным сторонам быта, часто – простое подражание нравам [42]. И все же привлекательность города не ограничивалась потребительским измерением его потенциала (в том числе изменявшего быт деревни). Приходило осознание невозможности «жить во всем только по старине»; город становился стимулом развития крестьянского хозяйства. Красноречивы в этом отношении наблюдения писателя-самоучки С.Т. Семенова [87, с. 59–60, 115–120].

Исследователи отмечают особый, доминирующий в России рубежа XIX–XX вв. тип «города мигрантов», происходило окрестьянивание городского населения. С 1897 по 1914 г. городское население увеличилось почти на 10 млн человек, главным образом за счет крестьян [25, с. 11; 83, с. 14, 67]. Немало торговцев и купцов из крестьянской среды. Преимущественно из крестьян состоял рабочий класс, что накладывало на него свой неизгладимый отпечаток; удельный вес переходного слоя – рабочих-крестьян был очень велик [32, с. 466–486]. Крестьянское происхождение рабочих обнаруживалось во многом: в организации рабочих коллективов, воспроизводивших в специфических условиях промышленных предприятий самоуправляющиеся сельские общины, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению [65, с. 342–344]. «Крестьянский след» в сознании рабочих сказывался на требованиях аграрного характера, жалобах на недостаток работ и притеснения администрации. Если слой передовых рабочих требовал демократизации политического строя, то массив политически инертных рабочих – улучшения экономического положения [80, с. 12–16].

В то же время интенсивная колонизация окраин страны замедляла урбанизацию, поскольку поток колонистов забирал потенциальных мигрантов в города. На рубеже веков страна переживала «переселенческий бум». В столице возобладало мнение, согласно которому новые земли становятся истинно русскими лишь в том случае, если по ним прошел плуг русского пахаря. Таким образом, крестьянская колонизация по экстенсивной модели, поддерживаемая соответствующими льготами, стала официально считаться важнейшим компонентом имперской политики [69, с. 156–158]. Вместе с тем южные и восточные (сибирские) регионы активнее втягивались в модернизационные процессы.

Порождением цивилизационного поворота стал аграрный вопрос, вобравший в себя противоречия новой социально-культурной реальности, отражавший социальный дуализм российского общества. Обостренное внимание к нему на рубеже XIX–XX вв. было присуще всему спектру общественной и политической мысли [70, с. 19–62; 82, с. 13–20]. В оценках подобного поворота наиболее сильно обнаружилось, по мнению А.В. Гордона, влияние и специфических российских, и универсально-элитарных стереотипов, представлявших собой причудливый сплав «аграрного романтизма» и просвещенческого «абсолютизма». Так, принявший особый вид «общинверия» «аграрный романтизм» представлял конкретно-исторический тип социальной организации не только вечной основой аграрного строя, но и матрицей общенационального бытия [2, с. 120–125; 20].

Оппозицию «общинной, коллективистской» России «индивидуалистическому» Западу по-своему представил К. Маркс в его набросках письма к В.И. Засулич и в коротком письме к ней (март 1881 г.). Маркс предположил, что, сохранившись в общенациональном масштабе, община служит опорой национального возрождения, однако при условии устранения всех «тлетворных влияний» на нее (в набросках писем Маркс имел в виду эксплуатацию общины государством и частными собственниками. – И.К.) и обеспечения для нее свободных условий развития [62]⁴.

На «общинверие» наслаивался другой национально-культурный феномен – просвещенческий «абсолютизм», видевший в крестьянах исключительно консервативную силу, сопротивляющуюся цивилизационному развитию, объяснявший все его сложности и деформации мужицким неприятием, а по сути – боязнью духовного раскрепощения крестьян [2, с. 125–129; 20; 49; 51]. Во многом близким подобному видению был и большевистский взгляд на крестьянство – «лапотного Януса», по выражению Л. Троцкого [92].

Крестьянская революция

Один из теоретиков крестьяноведения Э. Вульф отмечал историческую закономерность: по мере втягивания крестьянства в общественные отношения внешнего мира, особенно в рыночные, с появлением в деревне все большего числа представителей некрестьянских видов деятельности, усиливается его социальная консолидация и культурное размежевание, осознание собственной osobости и исключительности («Мы – другие») [88, с. 126, 134].

Отмеченное проявилось в России в начале XX вв. Коммерциализация жизни, распад традиционных связей, стремление молодежи покинуть патри-

⁴ Наброски и письмо были впервые опубликованы на русском языке в 1924 г. в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» [34], когда в условиях строительства социализма в советском общественно-политическом пространстве активизировались дискуссии об общине.

архальную деревню, сословные ограничения крестьян, остатки прежней зависимости их от дворян, социальный дуализм российского общества вместе с последствиями кабальных условий эмансипации и растущими платежами, утратой крупными земельными собственниками в глазах крестьян морального права на землю создавали напряженную атмосферу в деревне.

Новые реалии породили феномен крестьянской революции (термин В.П. Данилова), ставшей ответом земледельцев на исторические вызовы эпохи, на сельско-городской конфликт [3; 26; 99]. По мнению В.П. Данилова, начавшись в 1902–1904 гг. волной крестьянских выступлений с захватами помещичьих земель и поджогами усадеб, она продолжалась до 1922 г., достигнув апогея в 1917 г. А. Грациози назвал этот феномен «величайшей европейской крестьянской войной» начала XX в. с высшей точкой в 1917 г. и доводил ее окончание до 1933 г., подчеркивая ощущение крестьянами своей «инакости» в политической сфере. При этом он обратил внимание, что многие известные лидеры крестьянского повстанчества 1918–1921 гг. – от Н. Махно до А. Антонова – впервые появились на политической сцене в 1905–1907 гг. [25, с. 11–12].

В научной литературе крестьянские требования традиционно связывались с лозунгом «Земля и воля», в котором был воплощен крестьянский идеал – жизнь на справедливо разделенной земле, с сельским самоуправлением и судом, без влияния государственных структур и городского большого общества. По мнению Д.А. Сафонова, формула «Земля и воля» являлась порождением либеральных и революционных кругов XIX – начала XX в., которым был присущ патерналистский взгляд на крестьян, выражавшийся в якобы большем понимании крестьянских нужд, нежели самими крестьянами, и превратилась в своего рода мем. С его точки зрения, главным для крестьян было обретение возможности свободного хозяйствования, причем отнюдь не все крестьяне связывали свою дальнейшую жизнь с земледельческим трудом. А после 1917 г. обнаружили еще новые, более привлекательные варианты устройства жизни, вне деревни [85].

Крестьянская революция вылилась в активные самостоятельные действия против помещичьей собственности со стороны общинного крестьянства. Оно было не удовлетворено слухами «царь волю дал – даст и землю», хотя и ожидало царской «милости» на этот счет. Главную роль в политической динамике играл голодный перенаселенный Центр, продемонстрировав, что фактор расчленения деревни не играл ведущей роли – в отличие от фактора общинного единства. В период Первой русской революции в Государственную думу направлялись приговоры и наказания сельских сходов. Это была манифестация крестьянского «МЫ» перед властью и обществом о сохранении своего образа жизни, его преемственности. «Помнящее» начало крестьянской культуры ставило вопрос: «Чего нам нельзя забыть?». Выступая «прасимволом» крестьян-

ской культуры, земля в ее всеохватности («власть земли»), бывшая основой самоидентификации крестьян («труженики земли»), генерировала восприятие земледельцами своего особого социального статуса кормильца и защитника. Характерны выражения наказов и приговоров: «На пользу себе и дорогому Отечеству»; «отечество наше (земля) сотни лет защищалась и защищается большей частью крестьянами». Обратной стороной чувства превосходства («крестьянство – фундамент государственности», «господа земли») были victimность («земля наша окуплена потом и кровью») и ресентимент («вечное рабство», «безысходная нужда», «мужику всякий враг»). Кровь выступала как символический эквивалент «жертвы» («горят не барские хоромы, а наших дедов кровь»), а пот становился символом «страдности» и «жертвенности» крестьянского труда. Все отмеченное было важной составляющей крестьянской риторики в отношении «верхов» [81].

В крестьянском движении выражали себя и тесно переплетались разные стороны. Так, крестьяне не ограничивались земельной, хотя и приоритетной для них, стороной вопроса; они требовали свобод, развития народного образования. Крестьянские организации этого периода (Всероссийский Крестьянский Союз, крестьянские братства и республика) являлись составной частью демократического движения [52; 79, с. 100–117]. И все же, в отличие от городских слоев, крестьяне не выступали против царизма (хотя исследователи отмечают постепенное размывание монархического идеала), а только против собственности сельской аристократии, оставаясь революционной силой в пределах своей хозяйственной деятельности.

В крестьянских действиях прослеживалась сплоченность на основе сельской общины. Вместе с тем была заметной также активная роль других участников, в большей степени приобщившихся к городским ценностям – отходников, демобилизованных солдат, а также молодежи. Однако, хотя борьба крестьян и поднялась по ряду параметров на новый уровень, в их поведении ярко выражал себя традиционализм, поскольку оно укладывалось в привычные формы – бунт (погромное движение) и самосуд (более мягкие по сравнению с бунтом насильственные действия против «чужих»). Многочисленные образцы коллективных крестьянских действий против помещичьей собственности представляли собой движение единого общинного «социального тела»: поголовное участие в протестных действиях, позволяющее избежать ответственности и минимизировать возможное наказание выступало важнейшим родовым признаком. Парадокс в том, что доходящая до фанатизма убежденность крестьянства в справедливости требования земли освящала самые радикальные формы социальной агрессии. При этом количество принадлежащей крестьянам земли почти удвоилось с 1877 по 1905 г., а к 1917 г. крестьяне владели двумя третями земель, арендовали и обрабатывали значительную часть остальных угодий [25, с. 10].

Крестьянская активность, организующая и разрушающая сила общины стали дополнительным фактором проведения царским правительством аграрных преобразований. Столыпинская реформа, к разработке которой приступили еще до начала волнений 1902 г., была призвана завершить процесс освобождения крестьян, придать новый импульс аграрным отношениям. Реформа стала важным шагом в трансформации аграрного сектора: неприкосновенность частной собственности связывалась с задачей создания мелкой личной земельной собственности для ликвидации бедности, этого, по мнению П.А. Столыпина – «худшего из рабств» [82, с. 43]. В стране, по выражению А.В. Чаянова, «шли сложные молекулярные процессы, создававшие новое крестьянское земледелие» [82, с. 41]. В.И. Ленин же акцентировал внимание на идее «краха» реформы [56].

Содержание реформы не сводилось только к численности выделявшихся из общины; ее следует рассматривать как комплексное явление, рассчитанное на период до полувека; в ходе реализации реформы варианты ее осуществления постоянно корректировались [82, с. 20–504; 94]. Реформа включала в себя землеустройство, агрономическую помощь, внедрение сельхозмашин и орудий – независимо от того, переходили ли крестьяне на отруба и хутора или оставались в общинах, за что в исследованиях получила именование «русской агротехнологической революции» [63]. Происходили перемены в психологии и поведении крестьян, уравниваемых в правах с остальным населением в отношении земельной собственности. Воспринимаемая своими сторонниками как «второе раскрепощение», реформа опиралась на существовавшие в крестьянской среде разных регионов настроения недовольства общинными порядками. Эти настроения выражали смену исторических типов хозяйствования. Хотя и медленно, в деревне формировался субъект, стремившийся к преуспеванию, интенсификации труда, с критическим отношением к аграрной традиции, установкой на агротехнические нововведения, вытеснение значения прошлого опыта знанием, а главное, с новыми ценностными представлениями – «самому за себя думать и самому пробивать для себя дорогу», «возможность самому устроить жизнь и хозяйство». Подобный тип демонстрировал устремленность к хозяйственной самостоятельности. Он выступал не только против общинного патернализма, он тяготился любой разновидностью духовной зависимости [20; 36; 57]. Не все сельчане были готовы к подобным переменам; реформа вызвала отторжение рассчитывающих на поддержку общины и ожидавших земельной прибавки крестьян. Общинное сознание воспринимало изменения как угрозу не только для настоящих, но и для будущих поколений, как разрыв в цепи воспроизводства привычных норм повседневности. Борьба с теми, кто порывал с общиной («выделенцами») велась повсеместно широким фронтом, с использованием самых разнообразных способов, включая насильственные [16; 94].

Впрочем, у оппозиции общинным порядкам была еще одна сторона, проявлявшаяся в молодежном хулиганстве, противодействии авторитарно-патриархальному давлению общества и стариков. Отмечались «истощение религиозного чувства», антиклерикальные настроения, рост церковного абсентеизма, особенно в районах развития товарного земледелия, распространение сектантства. А войны и революции вскрыли, по выражению А. Грациози, «крепкое ядро первобытной дикости», стимулировали повсеместные проявления вседозволенности, «озверения», варваризации, когда, как пелось позже в частушке начала 1920-х гг., «все святые загуляли, видно, Бога дома нет», породив эсхатологические настроения [1, с. 233–240, 289–301; 25, с. 12; 46, с. 58–59; 91, с. 8].

Апогеем крестьянской борьбы за землю на фоне падения эффективности государственного управления и десакрализации монарха (но не самой идеи «справедливого царя»⁵) в 1917 г. стала «общинная революция». Она выразила устремленный в прошлое социальный идеал – справедливой, независимой от «большого мира», замкнутой в своем сельском пространстве жизни [12; 59; 92]. Бессилие власти в крестьянском сознании превратилось в «безначалие», а ненаступление ответственности послужило дополнительным стимулом агрессии против всех видов собственности. Общинники разрушали, грабили и жгли как помещичьи усадьбы, так и хозяйства хуторян и отрубников [12, с. 179–220]. Как верно отметил Л.Б. Алаев, в революцию именно община провела первое «раскулачивание» [2, с. 130]. Впрочем, схожая трактовка событий встречалась в записанной этнографами в начале 1930-х гг. жизненной истории некоей колхозницы Васюнкиной, которая вспоминала о семнадцатом годе как о времени, когда «*раскулачивали барьев*» (курсив наш. – И.К.) [30, с. 85].

Направленный на защиту традиционного уклада, на вытеснение («выкуривание») из сельского пространства городской культуры и ее носителей (если вести речь о помещиках), восстановление нарушенного столыпинскими «выделенцами» равновесия, общинный революционизм объективно вел к архаизации социальной жизни, хозяйственной практики и углублению локализма. М. Горький, в частности, видел в вышедшей на авансцену революции деревенской массе угрозу индустриально-городской цивилизации России [23, с. 87, 105, 181, 185]. Порядок реализации крестьянской «Правды», в том числе по отношению к выборам в Учредительное собрание, означал воплощение потестарных принципов: «...много разных других приезжало. Одни говорят так, другие иначе, а все начальники»; «наша партия одна – Земля и Воля» [12, с. 185; 93, с. 124, 228]. Крестьянское видение собственно земельного во-

⁵ В.П. Булдаков пишет о широком распространении в те годы идеи «революции с хорошим царем» [12, с. 124]. См. также [1, с. 243–247].

проса предполагало уничтожение частной собственности; безвозмездный и всеобщий характер передачи земли крестьянам; уравнилельно-трудовой принцип наделения землей; сохранение общины. Местные земельные, продовольственные комитеты, ячейки Всероссийского крестьянского Союза и другие низовые крестьянские организации сыграли важную роль в решении земельного вопроса на условиях «черного передела». В одних случаях крестьяне использовали резолюции местных (уездных и губернских) съездов крестьянских депутатов, в других действовали самочинно. Выражались крестьянские действия в захвате помещичьих земель, лесов, продовольствия и пр., вылившись в итоге в погромы усадеб, а в отдельных случаях и насилие над их владельцами. Таким образом, в аграрной революции переплелись цивилизационно разные институты; при этом более развитые в политико-правовом отношении способствовали укреплению менее развитых. Община возобладала в качестве основной формы деревенской жизни, как и крестьянство – в «чистом виде», в присущей ему изначально традиционности, с ориентацией на семейное производство: Россия, по выражению М.Л. Левина, стала более крестьянской, чем когда бы то ни было [53; 88, с. 88].

Крестьяне хотели минимального участия государства в делах деревни. Подобную крестьянскую *idée fixe* отметил в романе «Чевенгур» А. Платонов: «...все чудачки к власти отойдут, а народ сам по себе заживет – обоим сторонам удовольствие» [78, с. 159]. По отношению к деревне намерения большевиков были прямо противоположны крестьянским. В.В. Кондрашин выделил докомбедовский и комбедовский этапы Гражданской войны, отметив, что на первом этапе конфликты общин с властью сопровождались межобщинными и внутриобщинными столкновениями. Затем на первый план вышла борьба крестьян против государственной политики «военного коммунизма», в которой они использовали разные виды «оружия слабых»: дерзирство, спонтанные массовые бунты в масштабах отдельных деревень, самосуды, акты насилия против представителей власти. Крестьянское повстанчество охватило многие регионы (Поволжье, Дон, Урал, Сибирь, Центральное Черноземье), оно направлялось преимущественно беспартийными крестьянскими организациями – Союзами трудового крестьянства. Происходили мятежи и в самой Красной армии (А.П. Сапожков, Ф.К. Миронов и др.) [47]. Инструкции для объединения всех поколений в борьбе с «иглом коммунистической власти» вбирали в себя привычное содержание и способы выражения: суггестию «Мы, крестьяне», дискурсы русскости, антисемитизма, трудовой памяти и жертвы. «Мерзавцам», «скотам» и «зверям»-коммунистам, «высасывающим кровь трудового крестьянства и последние соки из его кровавым потом нажитого имущества», документы повстанцев призывали «штык в спину осадить» – вполне в духе накопленного земледельцами опыта взаимодействия с «чужими». Именно на этом прежде всего делал

акцент М. Горький в своей брошюре «О русском крестьянстве», демонизируя крестьянскую жестокость. Крестьяне отождествляли новую власть со старой («гнет советского самодержавия»), приравнивая советские порядки к «новому крепостному праву», противопоставляя им свободное распоряжение трудом («все свободны, равны и сыты»), причем у сибиряков подобные настроения выражались отчетливее [46, с. 60–67]. Архаизация и натурализация имела свои пределы: рынок необходим крестьянину, поскольку позволяет ему поддерживать и расширять его семейное хозяйство, по достижении определенного уровня последнее невозможно без наличия города. Характерно приведенное в «Чевенгуре» крестьянское соображение: «Нам хоть власть, хоть и не надо» [78, с. 163]. Показательно, что эпицентры крестьянских восстаний находились в районах торгового земледелия и ремесла, а НЭП в его рыночном измерении соответствовал интересам крестьян в их социальном договоре с властями: «расплатился с государством – хватило и себе»; «крестьянин должен работать всяк себе, а государству отдавать сколько нужно с гектара».

От НЭПа к коллективизации

Победа «общинной революции» оказалась условной во многих отношениях: крестьяне смогли отстоять свои требования перед властью, но только до определенного момента. К середине 1920-х гг. в основных земледельческих районах страны произошло восстановление посевных площадей и рынка на продукты сельского хозяйства; увеличился общий объем сельскохозяйственного производства; росла урожайность, повышалась доходность деревни. В целом уровень восстановления сельского хозяйства, достигнутый к 1927 г., отражал возможности крестьянских хозяйств натурально-потребительского типа, ставшего преобладающим после революции. Отмечался рост численности крестьянского населения, усиление масштабов и давления аграрного перенаселения, больший (в 2–3 раза по сравнению с дореволюционным временем) рост безработицы.

Отходничество в город выступало как способ поддержки и/или интенсификации крестьянского двора, так и как альтернатива сельскому хозяйствованию. Рост личного потребления сопровождался понижением интенсивности и товарности (ее уровень упал в два раза), резким сокращением количества товарного хлеба [82, с. 79–80]. В сельской местности, где по переписи 1926 г. проживало 82% населения, абсолютно преобладало семейно-трудовое хозяйство [67, с. 192–193].

Влияние трудовой этики на социальные представления было сильным, поэтому преобладавшим было мнение «ну какие у нас кулаки, мы все крестьяне». Дискуссии «Кого считать кулаком, кого – тружеником?» активно

велись в те годы. «Кулак» в ипостаси зажиточного труженика противопоставлялся «лодырю» (чаще – бедняку) и «эксплуататору». Большинство рассуждений крестьян о признаках деревенских социальных групп было основано на противопоставлении «мы» (крестьяне) – «они» (власть, партийцы) [28; 44; 73].

Основной фигурой деревни 1920-х гг. стал следующий «заветам отцов» традиционный единоличник крестьянин с его установками на общинный фактор социальной страховки: «в общине не оставят». Общинный порядок в большей степени ориентировался на экстенсивный путь хозяйствования, поддерживая аграрное перенаселение, ограничивая возможности мелкотоварного хозяйства. Подобные недостатки отмечались крестьянами, особенно так называемыми «культурниками», нацеленными на совершенствование и развитие своих трудовых хозяйств и испытывавших на себе негативное давление общинных традиций, что отразилось в дискуссиях об общине на страницах «Крестьянской газеты» и «Бедноты» [45]. Именно в отношении «культурных хозяев» община нередко вновь проявляла агрессивность. Стремление к улучшенным формам хозяйствования (как вне общины, так и в рамках «прогрессивной», усовершенствованной общины) присутствовало в деревне [58]. Однако развитие «модернистского» типа сознания, мотивированного на интенсивность («рациональную культурность»), включая совершенствование общинных форм, понимающего занятие сельским хозяйством как проблему личного выбора («не община плоха, а мы нехороши»), имело все же свои серьезные пределы в нэповских реалиях (как идеологические, так и социокультурные), несмотря на объявленный партией в октябре 1924 г. курс «Лицом к деревне».

Крестьяне – прежде всего старшее поколение и женщины – сохраняли свою приверженность «народному православию»; атеизм молодежи сочетался с суеверием; отмечался рост сектантства.

Хотя крестьяне по-прежнему прикрывались «сермяжностью» при общении с недеревенским миром, крестьянская общественная и гражданская активность значительно возросла в 1920-е гг., поддерживаясь уверенностью в праве на неформальное участие в управлении страной. Между тем неоднократные «кризисы нэпа» («ножницы цен», налоги), затрагивавшие именно сферу отношений города и деревни («земля наша, да власть ваша»; «власть топит и душит крестьянина»), возродили у сельских жителей мысль о своей «второсортности», вызвали чувство ревности к городу, рабочим, партийцам, служащим, интеллигенции. Основная масса крестьян теряла заинтересованность в развитии хозяйства и стимулы к труду («нельзя не только богатеть, но и вообще “жить хорошо”») [17, с. 71–142, 188–256]. Наиболее ярким проявлением недовольства было требование крестьянских союзов, нередко выдвигаемое сельскими сходами, в котором власти выделялись

«кулацкие настроения», политический подтекст. Последнее отчасти справедливо, поскольку либерально-демократические силы как внутри страны, так и за ее пределами на протяжении первого послереволюционного десятилетия вынашивали идеи реализации, по выражению А.В. Чаянова, «крестьянской утопии» [97], осуществления «Крестьянской России» [4] или, по П.А. Сорокину, «власти крестьянской», партии крестьян-собственников, хозяев-работников, на отличных от общины кооперативных основаниях аграризма – сельского пути развития, цивилизационной альтернативы индустриализму и урбанизму [89; 90].

Взросшую энергию крестьянской массы государство стремилась направить в русло социалистического строительства, в частности, подключая ее к формированию новой мемориальной культуры. Однако в этом сегменте взаимодействия «верхов» и «низов» отчетливо проявились расхождения. В противовес намерению власти продемонстрировать большевистское руководство в аграрной революции, деревня высвечивала ее «общинный профиль», как раз в плане самоорганизации. В период т.н. «военной угрозы» 1927 г. деревня, самосознание которой тяготело к локальности, не была готова поддерживать государство. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) партия вынуждена была констатировать наличие двоевластия в деревне – основанной на самообложении единоличных хозяйств власти земельных обществ в противовес слабым сельским советам. Именно поэтому уже в самом начале коллективизации земельные общества были ликвидированы.

Эскалация чрезвычайных методов хлебозаготовок, административных и репрессивных мер воздействия на деревню на рубеже 1920–1930-х гг., размаха которых, как отмечал Н.А. Ивницкий, не знал даже комбедовский период, имела целью включение крестьянства на основе массовой коллективизации в командную экономику. С «большим скачком» связывается широкомасштабная акция по ликвидации традиционного сельского производителя, его насильственное включение «в доминирующую культуру» в результате «столкновения цивилизаций» [14]. Вопреки заявлениям «верхов» о раскулачивании на базе коллективизации, политика раскулачивания, напротив, предшествовала, как подчеркивал Ивницкий, массовой организации колхозов [33]. Именно в преддверии коллективизации и в ее ходе, на волне хлебозаготовок и организации колхозов понятие «кулак» утвердилось в качестве идеологической конструкции, ярлыка, который навешивался на всех недовольных политикой, независимо от хозяйственной состоятельности [28; 73]. Все было направлено на разобщение деревни, ликвидацию ее наиболее активного, самостоятельно мыслящего слоя, слом крестьянского сопротивления.

Однако община показала свою силу, действуя одновременно и как религиозное сообщество. Ярко выраженной была преемственность с временем крестьянской революции – вплоть до географической – претензий и требова-

ний («русский народ в тисках насилия и произвола»; «сосушие из народа кровь угнетатели»; «жить свободнее, сам себе хозяин») и способов деревенского противостояния, ставших еще разнообразнее, но сохранивших во многих проявлениях традиционный ритуальный характер. Отличительными чертами массового крестьянского протеста были солидарность, способность к самоорганизации и сопротивлению. На «классовую» направленность политики («окулачивание»), на «чрезвычайщину» 1928–1929 гг., а затем организацию колхозов крестьянство ответило массовым протестом – от дробления крестьянских дворов, самоликвидации («самораскулачивания») хозяйств и распродажи имущества, а фактически – самораскрестьянивания, «рассреднячивания», слухов, побегов из села, угроз в форме анонимных писем и письменных воззваний (листовок), обращения в высшие инстанции с требованиями и жалобами до разнообразных по форме террористических актов (поджоги, убийства, нападения, самосуды и пр.), вооруженных выступлений [14], общее число которых составило в 1930 г. 13 756 [33, с. 192].

И все же власти удалось, используя социальную напряженность в деревне и состояние аномии, расколоть ее. Отметим аграрное перенаселение, серьезные межпоколенческие противоречия (по переписи 1926 г. более половины сельского населения России составляли дети и молодежь до 20 лет [67, с. 195]), «миграционные настроения» молодежи, преимущественно из батрацко-бедняцкой среды, ее стремление порвать с сельскими традициями и трудом, уехать в город, прикрепиться к «должностям» («портфелю»), «найти работу и устроиться учиться за счет государства», что было свидетельством раскрестьянивания [74]. Социальным низам деревни в целом был свойственен антинэповский настрой: «стереть с лица земли все кулачье»; «что нажито чужим потом и кровью, должно быть отобрано в государство».

Получала в деревне поддержку и идея «сделать крестьян как рабочих», а в сводках ОГПУ фиксировались суждения «при барщине два пуда муки *давали...*»; «мы любим, чтобы нам *давали*» (курсив наш. – И.К.) – явные свидетельства готовности части деревни стать зависимой от государства. Впрочем, крестьянам в целом присуще подчинение сильной власти («какая бы власть ни была, нам, крестьянам, пахать»). И тем более под влиянием репрессий типичным для крестьянских масс становилось мнение: «Так хочет власть, а против власти не пойдешь». Сильное воздействие на подобное мнение оказал голод, поразивший в 1932–1933 гг. основные хлебопроизводящие регионы страны и ставший апогеем насильственной коллективизации в «приручении» государством единоличников и колхозников. Используя жесткую схему подавления и подчинения, государство фактически воспроизводило политическую модель традиционного общества.

Сельский мир и урбанизация

Направленный в ходе «социалистического наступления» начала 1930-х гг. удар государства по единоличному крестьянству и традиционному укладу имел целью цивилизовать его по-советски, сформировать новый, принципиально отличный от прежних, тип труженика земли. В массовое сознание, и прежде всего самих сельчан, активно внедрялась позитивная идентичность «колхозник». Однако как раз на селе она принималась меньше всего, поскольку в основе политики власти с присущим ей наследием «аграрного деспотизма» [54, с. 258] находились принудительность, мобилизационный характер колхозного труда, его огосударствление, массовым порождением которого в действительности стал «работник на земле», но не хозяин. Коллективизация дала импульс «социалистическому раскрестьяниванию», по выражению В.А. Ильиных. Колхозники несли массу государственных повинностей, финансировали индустрию и оборону страны, а также послевоенное восстановление. Ильиных пишет о рефеодализации системы налогообложения деревни, заключавшейся в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам [35, с. 133].

Не случайно мощный налоговый пресс на сельских жителей расценивался ими как «второе раскулачивание», фиксировались антиколхозные настроения. При этом если община являлась сообществом крестьянских дворов (т.е. хозяйствующих семей), то колхоз – сообществом производственных бригад, что противоречило сущности устройства крестьянского мира. Крестьяне составляли значительную часть ГУЛАГа – советской формы системы принудительного труда. Следствием сверхнормативного отчуждения продовольствия и денежных средств из колхозов и личных хозяйств колхозников, эксплуатации спецпоселенцев стали хроническое недоедание сельского населения и периодические голода, самым сильным из которых после коллективизации стал голод 1947 г.

Преобразование аграрной сферы носило фрагментарный характер, было основано во многом на экстенсивных формах развития. Постепенно формировалось новое поколение земледельцев, связанных с сельским индустриальным трудом, а также деревенская элита, ориентирующиеся на канон «советского человека», но в то же время, как полагают М.А. Безнин и Т.М. Димони, несшая в себе, в лице председателей колхозов, директоров совхозов и МТС, по мере укрепления колхозно-совхозного строя черты протобуржуазии [6, с. 213–250]. Однако прикрепление колхозников к земле и искусственное поддержание натурально-потребительского характера колхозного двора (личного подворья колхозников), разрешение на ведение которого стало компромиссом между государством и крестьянством, позволяли осуществлять базовую функцию традиционного крестьянского двора, способствовали консервации «мирского» принципа выживания, уравнилельных настроений, осо-

бенно характерных для рядовых колхозников, женщин и стариков, ориентированных на принцип «в тепле и сыты». Деревенские жители, используя многочисленные, описанные в крестьяноведческих исследованиях замаскированные формы обиденного сопротивления эксплуатации (особенно в 1930–1950-е гг.) и унижению (уклонение от повинностей, симуляция, фальшивое согласие, притворное понимание, хищения, незаконные промыслы и пр.), сумели в итоге приспособить колхозы для нужд своего подворья, сделав колхоз/совхоз его своеобразным «филиалом» и реализовав в его рамках свои предпринимательские устремления. Социальный протест проявлялся в разного рода анонимных посланиях в газеты и во властные органы, в радикальных формах (устные и письменные призывы к свержению существующего строя, насильственные действия в отношении работников властных структур, руководителей и активистов колхозов), но ярче всего – в «самовольном», несанкционированном бегстве крестьян из села [6, с. 213–250].

Ставка на дальнейшее огосударствление аграрного сектора страны в постсталинский период, переход на оплату труда, не зависящую от его конечных результатов, привели к увеличению доли наемных сельскохозяйственных рабочих («наемных рабочих с огородом») и люмпенизации их немалой части. Удельный вес передовиков в производстве сельхозпродуктов не превышал 10–15% [6, с. 495–558; 35, с. 138–139]. Одновременно деревня с середины XX в. все сильнее испытывала влияние городских стандартов, индивидуализации и массовой культуры; сельская семья теряла свою патриархальность и авторитарность, приобретала многие специфические черты городской семьи; утверждалась «власть денег» и ценность престижного потребления; сужалось пространство применения традиции; распадалась целостность крестьянского мира, хотя крестьянство сохраняло преемственность православной веры [46, с. 121–170, 300–390]. Свою лепту в раскрестьянивание и формирование нового образа жизни, который Л.Н. Мазур характеризует как сельско-урбанизированный, внесли научно-технические достижения, постепенно проникавшие в сельскую среду: телевидение, радио, кино, бытовая техника и т.п. Складывалась новая система ценностей, которая нашла образное выражение в словах героя В. Шукшина из кинофильма «Печки-лавочки», оценивающего свое благополучие через следующий набор значимого для него имущества: «телевизор, корова, свинья» [60, с. 57]. Отмеченное – в культурном отношении как уход в небытие российской аграрной цивилизации, а в социальном как раскрестьянивание – находило художественное воплощение в «деревенской прозе». Правда, ранее, в годы войны, когда сельское население численно преобладало в стране и составляло основную часть сражающейся армии, А. Платонов, обращаясь к крестьянскому культурному наследию, акцентировал как раз победу традиционной, земледельческой цивилизации (Россия/СССР) над модерной,

техногенной (нацистская Германия) [43]. В.А. Ильиных допускает, что на каком-то этапе объединенное в колхозы крестьянство, в частности сибирское, длительное время сохраняло значительный потенциал восстановления. По крайней мере, в 1950-е – первой половине 1960-х гг. в стране имелась возможность радикальной и безболезненной в социальном и производственном плане деколлективизации и возрождения крестьянства с полным набором его институциональных характеристик [35, с. 139–140]. Однако в исторической действительности возобладали другие тенденции.

Если вернуться к времени коллективизации, то ускоренный рывок рубежа 1920–1930-х гг. привел в движение массы села, основным потоком миграций для которых стали города и формирующиеся новые центры отечественной индустрии; в итоге в 1939 г. сельское население составляло 66% [67, с. 193]. Особенно значительный механический прирост городского населения наблюдался в 1931–1932 гг.; по отношению к этому времени отмечен «громадный масштаб» внерабочих пополнений за счет крестьян. При этом тяжелые условия труда в колхозах, индустрии, в строительстве, на транспорте приводили к непрерывным перемещениям населения, текучке, которые одновременно сопровождались прикреплением рабочей силы к строго определенному месту⁶. Крестьяне приходили в городской мир, опираясь, по выражению Н.Н. Козловой, на «инкорпорированные в тело социальность и историю», на всевозможные способы проскальзывания и ускользания [40]. Существовали как общие черты, так и специфика аккультурации «новых горожан». Многие городские приезжие первого поколения и их дети испытывали в этом плане серьезные трудности, что усиливало прежние общинные – соседские и родственные – связи. В новых условиях сельские и городские элементы, официальные и неофициальные, оказывались переплетенными, превращаясь в субкультуру [9; 66; 102].

Активное пополнение за счет «новых рабочих» – выходцев из деревни – приводило к «вымыванию» наиболее образованной и старательной части рабочего класса из пролетарской среды, ее окрестьяниванию. У пришлых отсутствовали навыки индустриального труда, но было развито чувство справедливости. Особенно характерной была ситуация на новых предприятиях. Исследователи особенно подчеркивают советскую индустриальную специфику 1930-х гг., обращая внимание на большую роль коллективно стимулирующих форм мотивации (социальные льготы) по сравнению с индивидуальными материальными, на существование между администрацией и работниками патерналистских отношений с оттенком «панибратства». Патернализм

⁶ Достаточно назвать Постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» (декабрь 1932 г.), нацеленное на запрет стихийного оттока сельского населения в города; Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов» (март 1933 г.).

имел и оборотную сторону, превращаясь в «укрощение гегемона», в авторитаризм и всевластие администрации перед рядовым работником, поддерживая типичную социальную среду, в которой жестокость и насилие считались явлениями обыденными; эта среда была готова к «закручиванию гаек», административным мерам, репрессиям. Отличительными чертами советской «деревенской» урбанизации стали барачная культура и хулиганство. У «новых рабочих», кстати, существовал «комплекс экспроприаторства». Так, в наказах работников московского Электрозавода администрации присутствовали требования «выселить», «наказать», «снести», в т.ч. остановить приток крестьян в город. Подобные «ультрапролетарские» настроения были широко распространены в начале 1930-х гг. именно среди «новых» рабочих – надевших спецовку бывших крестьян и мелких торговцев времен НЭПа, заявлявших о своей принадлежности к классу-гегемону и стремившихся побыстрее извлечь пользу из своего нового положения [31; 80]. И после войны в промышленность и строительство через систему оргнабора или другими способами приходили крестьяне всех возрастов, особенно демобилизованные.

Для включения масс в орбиту советского государство апеллировало к традиции, используя современные методы (массовое производство, массовую культуру и массовую политику). И в аграрной сфере, и вне ее проявлялись как черты альтернативной советской модерности (государственный контроль, плановая экономика, социальная политика, надзорные и дисциплинарные практики, антибуржуазность), так и «отсутствующей модерности», воплощенной в неотрадиционализме (распространение различных видов личных отношений, политическое насилие) [29].

Делая ставку на принуждение и на энтузиазм, государство соединяло социальный авторитаризм с патернализмом, опираясь в идеологии как на догматизированный марксизм и революционную героинку, так и на русско-советский патриотизм и культ вождя. В этом особенно ярко проявилась, по Н.А. Бердяеву, насыщенность большевизма «квазирелигиозной энергетикой» [7]. Отметим инициированную М. Горьким, обеспокоенным ростом негативных проявлений в рабочей среде в связи с приходом на заводы «дремучего деревенского мужика, заплонившего города», серию «История фабрик и заводов СССР». Вместе с «Историей гражданской войны в СССР» она являла собой проект «управления прошлым», в котором идея революционной героинки дополнялась повествованиями о развивающемся сознании людей. «Вращивание масс» (выражение Д. Хоффмана [96]), «формовка» (по Е.А. Добренко [27]) советского человека велись по всем направлениям – через систему образования, в том числе политического («Краткий курс истории ВКП (б)» как своего рода катехизис), СМИ, литературу, кинематограф, спорт. Существовали примеры «омужичивания» в целях пропаганды некоторых черт образа Ленина [13, с. 216–222].

Большое внимание в пропаганде уделялось советским биографиям, призванным стать формой для «отливки» нового человека, с акцентом на героизму. Анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев показал, что две трети из них были выходцами из деревни, а стаж у половины не превышал трех лет [80, с. 77]. Подобные опубликованные с соответствующей обработкой воспоминания аккумулировали представление о необходимости личностного роста через верность делу революции, модельные истории успеха «по-большевистски», призванные продемонстрировать возможности социального превращения, наделяющие дореволюционное прошлое исключительно негативными чертами, демонстрирующие переход «из бедного и голодного мужика в передовые рабочие», «из тьмы – на свет» [41].

Прежде всего на крестьянство была ориентирована ярко выраженная патерналистская модель советских социальных отношений [13]. Показательна трансформация образа Александра Невского в историческом дискурсе – от символа царизма, имперского порядка и православия к символу советской государственности и большой семьи [101]. О том, насколько усилия массовой пропаганды, в частности, в отношении русской национальной мифологии и истории, находили отклик у рядовых рабочих и крестьян, можно судить по ее мобилизационной эффективности в красноармейской среде накануне и в годы войны [101, с. 105–121, 185–203, 246–260].

Н.Н. Козлова полагала, что типичный «советский человек» – именно бывший крестьянин, не просто ставший городским жителем, а включившийся в цивилизацию нормы, проекта. Проанализировав различные стратегии и тактики, используемые мигрантами крестьянского происхождения в процессе их городской адаптации, Козлова показала, что социальное поколение бывших крестьян, прежде всего молодежь, участвовало в формировании советской системы – «изобретало советское общество». При этом участие в «изобретении» советского общества и человека не было, разумеется, общим для бывших крестьян и тем более – для всех крестьян. Для одних ценой вопроса становилось выживание, для других – переделывание себя, добровольный самоконтроль, участие в устанавливаемых «сверху» социальных «играх номинации». Именно из таких молодых людей получались, по мнению Козловой, советские люди [40]. С.А. Никольский добавляет: эти вчерашние крестьяне практически на все действия власти отвечали грамотным приспособлением, демонстрируемой покорностью, наукой использовать общественную систему «для себя» [72]. Впрочем, можно вспомнить «Чевенгур» и платоновское наблюдение: «Русский – это человек двухстороннего действия: он может жить и так, и обратно, и в обоих случаях остается цел» [78, с. 92].

Если в 1920–1930-е гг. речь шла о переселении в города очевидно неурбанизированной крестьянской массы, то в последующем в города переезжали как носители традиционного сознания, выдавливаемые из села непроду-

манной аграрной политикой, так и вполне урбанизированные сельские жители. Период 1950–1970-х гг. А.Г. Вишневский назвал «самым сельским временем», когда у власти в СССР, на уровне высшего руководства, и на всех уровнях, во всех областях жизни стояли «выдвиженцы» из крестьян. К концу 1970-х гг. в российских городах проживало 69% населения [68, с. 214]. Особенность российской урбанизации состояла в ее сельском характере: с одной стороны, города сохраняли и воспроизводили в своей структуре, пространственной организации, социальной среде сельские качества, с другой – перестройка сельской местности приобретала деформированно городской характер с целью преодолеть вековое отставание по качеству и уровню жизни. Страна урбанизовалась, но сами города «рурализовались» [15, с. 97–105; 18; 60]. По мнению М. Левина, «деревенизация городов» вкупе с «бюрократическим абсолютизмом» советской системы стали характерными чертами в переходе от абсолютно сельской цивилизации к урбанистической [54, с. 590–591, 603–604].

Заключение

Крестьянство представляет собой квинтэссенцию коллективной памяти; на нем прослеживаются базовые формы социальности. Крестьянствование было образом жизни русского национального большинства, по крайней мере, до середины XX в. Аграрные отношения играли системообразующую роль в российской истории, придавая ей своеобразие. Наличие крестьянства как «реликтового сословия» определяло преемственность исторического движения России, но и служило также источником разрывов.

В это движение крестьянство включалось в самых разных формах: в виде хозяйственно-земледельческой, промысловой и торговой деятельности; колонизации новых территорий; участием ратниками в войнах; наконец, выступлениями в бунтах и восстаниях. Ведущей была собственно земледельческая деятельность, определявшая нормативность крестьянской культуры, нацеленной на выживаемость крестьянского социума в природной среде. Но если при освоении новых российских пространств были наиболее востребованы крестьянская инициативность, активность и предприимчивость, поддерживающие крестьянскую «вольность», то укоренение крепостничества закрепляло локальные общинные формы социальной жизни и социальный контроль в отношении отдельной личности. В советское время государством использовались авторитарно-патриархальные стороны общинности.

По мере исторического движения России и трансформации современного типа потенциал крестьянства с точки зрения возможностей его включения в изменения был неоднозначным. Деревенская среда была средоточием различных хозяйственно-культурных тенденций и способов адаптации к новым

сдвигам. Наиболее ярко выраженным проявлением подобной неоднозначности, одновременной «включенности/выключенности» стала «Крестьянская революция» 1902–1922 гг. с ее апогеем в виде «общинной революции» 1917 г., с проявлениями варварства и укреплением локализма. Тормозящая роль крестьянского фактора в развитии страны – оборотная сторона деспотизма государства; в этом отношении варварство обоих зеркально.

По мере раскрестьянивания России и движения ее от «общности» к «обществу» происходило постоянное окрестьянивание городского населения, во всяком случае на регионально-провинциальном уровне, по социальному составу, образу мысли и жизни. Парадокс в том, что для российского общества, имеющего крестьянские корни, было характерно пренебрежительное отношение к деревне, сельскому труду и работающему на земле человеку.

Если рассматривать цивилизацию как большую социокультурную общность, обладающую собственной иерархией ценностей и идеалов, то именно конфессиональная принадлежность делала земледельца с его воззрениями на землю, на труд, на собственное место в общественной иерархии неотъемлемой частью российской цивилизации. Народная культура была одним из источников национальной культуры, идейных и политических споров о национальном самосознании. Исторически усвоение крестьянами «высокой» культуры шло по линии православия, при сохранении дохристианских верований и представлений. Втягивание крестьянства в светский компонент культуры происходило в значительной степени через ее массовые формы.

В советском типе российской цивилизации государством использовались авторитарные стороны общности. В низовом варианте проявили себя компенсационные стороны. Обладая многослойностью, способностью совмещения несовместимого, крестьянская культура несет в себе широкие адаптивные возможности. Они шире общинных, поскольку крестьянская витальность хотя и поддерживается ими, к ним не сводится. Тем не менее идея общей, коллективной судьбы весьма значима для русских крестьян и их сельских и городских потомков.

Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН. 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Irina E. Koznova – Sc.D. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

i.koznova@mail.ru

Список литературы

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.
2. Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: URSS: Ленанд, 2016. 475 с.
3. Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М.: Изд-во РГАЗУ, 2007. 205 с.
4. Базанов П.Н., Соколов М.В. «Крестьянская Россия» – Трудовая Крестьянская партия: из истории политического «активизма» русской эмиграции // Клио. 2009. № 1 (44). С. 62–69.
5. Байрау Д. Янус в лаптях: Крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19–31.
6. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. М.: Ленанд, 2014. 608 с.
7. Бердяев Н.А. Религиозные основы большевизма. URL: http://1260.org/Mary/Text/Text_Berdyaev_The_Religious_Foundations_of_Bolshevism_ru.htm (дата обращения: 19.06.2023).
8. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 274 с.
9. Берто Н., Малышева М. Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку // Биографический метод. История, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 94–145.
10. Бранденбергер Д.Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2017. 405 с.
11. Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М.: Институт этнологии и антропологии, 1992. 207 с.
12. Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
13. Великанова О.В. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewiston: The E. Mellen Press, 2001. 284 с.
14. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.
15. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 429 с.
16. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 344 с.
17. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Сост. С.В. Журавлев и др.; предисл. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 1997. 323 с.
18. Горбачев О.В. На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: Изд-во МПГУ, 2002. 156 с.
19. Гордон А.В. Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. 219 с.
20. Гордон А.В. Пореформенная деревня в цивилизационном процессе // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002. С. 141–160.
21. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского самосознания // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 57–74.
22. Горская Н.А. Собственность в феодальной России // Собственность на землю в России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2002. С. 9–44.

23. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
24. Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 81–98.
25. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2008. 135 с.
26. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. С. 310–321.
27. Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1999. 320 с.
28. Доброноженко Г.Ф. Концептуальные модели анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // История в подробностях. 2015. № 3 (57). С. 82–89.
29. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / Пер. с англ. // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (дата обращения: 10.07.2023).
30. Жизнь колхозницы Васюнкиной, рассказанная ею самой. Записала Р. Липец. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 135 с.
31. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 238 с.
32. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 2004. 572 с.
33. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.
34. Из переписки Маркса и Энгельса. VII. В. Засулич и К. Маркс // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 1 / Под ред. Д. Рязанова. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 270–286.
35. Ильиных В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.
36. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара: Самарский университет, 1999. 156 с.
37. Кара-Мурза А.А. История цивилизации в России: органическое развитие versus социальный конструктивизм // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 21–22.
38. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН, 1995. 209 с.
39. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 557 с.
40. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 526 с.
41. Кознова И.Е. Бывший крестьянин: между сельским прошлым и городским настоящим // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 г. М.: Древлехранилище, 2014. С. 220–233.
42. Кознова И.Е. Культурные аспекты сельско-городского взаимодействия (на материалах крестьянского отходничества начала XX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 39–55.
43. Кознова И.Е. Образ русского крестьянства в произведениях А. Платонова периода Великой Отечественной войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3. С. 8–16.
44. Кознова И.Е. Образы кулака в народной памяти // История в подробностях. 2015. № 3 (57). С. 68–81.
45. Кознова И.Е. Обсуждение проблем общинного землепользования в крестьянской среде в 1920-е годы // Землевладение и землепользование в России (соци-

- ально-правовые аспекты). Мат. XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 275–287.
46. Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 464 с.
 47. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 574 с.
 48. Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 43–52.
 49. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 313 с.
 50. Крестьянство и рынок: научно-аналитический обзор / А.В. Гордон. М.: ИНИОН, 1995. 79 с.
 51. Кузьмин А.В. Взаимная идентификация крестьян и дворян России конца XIX – начала XX вв. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2012. 235 с.
 52. Куреньшев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М.; СПб.: АИРО-XX: Дмитрий Буланин, 2004. 333 с.
 53. Левин Михаил. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1997. М.: Центр аграрных исследований, 1997. С. 84–127.
 54. Левин Моше. Советский век / Пер. с англ. М.: Европа, 2008. 680 с.
 55. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Под общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича; пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. 372 с.
 56. Ленин В.И. Столыпин и революция. URL: <https://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/statuya-vi-lenina-stolypin-i-revolyuciya-opublikovannaya-v-gazete-social-demokrat> (дата обращения: 17.07.2023).
 57. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
 58. Лозбенев И.Н. Крестьянская община в годы нэпа // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 112–120.
 59. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XX, 2006. 133 с.
 60. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2012. 471 с.
 61. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. М.: Госуд. изд-во полит. литературы, 1956. С. 5–110.
 62. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госуд. изд-во полит. литературы, 1961. С. 400–421.
 63. Мацузато К. Столыпинская аграрная реформа и русская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200.
 64. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 572 с.
 65. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в. В 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
 66. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х г. / Под общ. ред. М. Витухновской. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 381 с.
 67. Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. 459 с.
 68. Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2005. 302 с.
 69. Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX в. (исторический обзор). М.: ИРИ РАН, 2010. 221 с.

70. Никольский С.А. Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М.: КолосС, 2003. 376 с.
71. Никольский С.А. О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Исторический анализ // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 99–127.
72. Никольский С.А. Советский человек как познаваемая реальность. Ч. 2 // Человек. 2021. Т. 32. № 3. С. 168–172.
73. Окуда Х. О понятии «кулак» в советской деревне 1920-х гг. // История в подробностях. 2015. № 3 (57). С. 26–33.
74. Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Мат. Междунар. науч. конф., 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 510–519.
75. Платонов А. Хорошая корова // Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 гг. / Сост., подгот. текста, ком. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2012. С. 267–277.
76. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / Публ. М.А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н.В. Корниенко. М.: Наследие, 2000. 424 с.
77. Платонов А. Старый человек Никодим // Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 гг. / Сост., подгот. текста, ком. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2012. С. 47–52.
78. Платонов А.П. Чевенгур // Собр. соч. Т. 3. М.: Время, 2011. С. 5–482.
79. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 гг. Саратов: Научная книга, 2004. 443 с.
80. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 366 с.
81. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. // Сб. док. / Под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина; авт.-сост. Л.Т. Сенчакова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 416 с.
82. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX в. М.: Энцикл. рос. деревень, 2010. 256 с.
83. Россия в начале XX в.: народ, власть, общество / А.Н. Сахаров (рук. авт. коллектива) и др. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.
84. Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. В 2 т. Т. 2. М.: Индрик, 2009. 748 с.
85. Сафонов Д.А. «Земля и воля» как вековая мечта российского крестьянства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 149–154.
86. Сахаров А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3–38.
87. Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг.: Жизнь и знание, 1915. 371 с.
88. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX в. / Под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.
89. Сорокин П.А. Идеология аграризма. Прага: Хутор, 1924. 35 с.
90. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага: Тип. «Лингва», 1922. 107 с.
91. Старый и новый быт / Сб. под ред. В.Г. Тана-Богораза. Л.: ГИЗ, 1924. 143 с.
92. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
93. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1923. URL: http://az.lib.ru/t/trockij_l_d/text_1923_literatura_i_revolutzia.shtml (дата обращения: 20.06.2023).

94. 1917 год в деревне / Сост. и снабдил очерками по районам и губерниям И.В. Грицкий / Под ред. и с предисл. Я.А. Яковлева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 360 с.
95. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.
96. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 416 с.
97. Хоффман Дэвид Л. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 422 с.
98. Чайнов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М.: Гос. изд., 1920. 64 с.
99. Шанин Т. Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия. 1910–1925. М.: Дело, 2020. 409 с.
100. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. 554 с.
101. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Пер. с нем. М. Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
102. Hoffmann David L. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1994. 282 p.
103. Shanin Teodor. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford Univ. Press, 1972. 253 p.

References

1. Aksenov V.B. Sluhi, obrazy, emocii: massovye nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii. 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.
2. Alaev L.B. Sel'skaya obshchina: «Roman, vstavlennyj v istoriyu». Kriticheskij analiz teorij obshchiny, istoricheskikh svidetel'stv ee razvitiya i roli v stratificirovannom obshchestve. М.: URSS: Lenand, 2016. 475 s.
3. Babashkin V.V. Rossiya v 1902–1935 gg. kak agrarnoe obshchestvo: zakonomernosti i osobennosti otechestvennoj modernizacii. М.: Izd-vo RGAZU, 2007. 205 s.
4. Bazanov P.N., Sokolov M.V. «Krest'yanskaya Rossiya» – Trudovaya Krest'yanskaya partiya: iz istorii politicheskogo «aktivizma» russkoj emigracii // Klio. 2009. № 1 (44). S. 62–69.
5. Bajrau D. Yanus v laptyah: Krest'yane v russkoj revolyucii, 1905–1917 gg. // Voprosy istorii. 1992. № 1. S. 19–31.
6. Beznin M.A., Dimoni T.M. Agrarnyj stroj Rossii 1930–1980-h gg. М.: Lenand, 2014. 608 s.
7. Berdyaev N.A. Religioznye osnovy bol'shevizma. URL: http://1260.org/Mary/Text/Text_Berdyaev_The_Religious_Foundations_of_Bolshevism_ru.htm (access date: 19.06.2023).
8. Bernshtam T.A. Molodezh' v obryadovoj zhizni russkoj obshchiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury L.: Nauka, 1988. 274 s.
9. Berto N., Malysheva M. Kul'turnaya model' russkikh narodnyh mass i vynuzhdenyj perekhod k rynku // Biograficheskij metod. Istoriya, metodologiya i praktika. М.: Institut sociologii RAN, 1994. S. 94–145.
10. Brandenberger D.L. Stalinskij russocentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.). Per. s angl. 2-e izd., pererab. i dop. М.: ROSSPEN, 2017. 405 s.
11. Bуганов А.В. Russkaya istoriya v pamyati krest'yan XIX v. i nacional'noe samosoznanie. М.: Institut etnologii i antropologii, 1992. 207 s.

12. Buldakov V.P. Krasnaya Smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. 2-e izd., dop. M.: ROSSPEN, 2010. 965 s.
13. Velikanova O.V. Obraz Lenina v massovom vospriyatii sovetskikh lyudej po arhivnym materialam. Lewiston: The E. Mellen Press, 2001. 284 s.
14. Viola L. Krest'yanskij bunt v epohu Stalina / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2010. 366 s.
15. Vishnevskij A.G. Serp i rubl': Konservativnaya modernizaciya v SSSR. M.: OGI, 1998. 429 s.
16. Gerasimenko G.A. Bor'ba krest'yan protiv stolypinskoj agrarnoj politiki. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1985. 344 s.
17. Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovyh sovetskikh grazhdan o sobyitiyah 1918–1932 gg. / Sost. S.V. Zhuravlev i dr.; predisl. A.K. Sokolova. M.: ROSSPEN, 1997. 323 s.
18. Gorbachev O.V. Na puti k gorodu: Sel'skaya migraciya v Central'noj Rossii (1946–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizacii. M.: Izd-vo MPGU, 2002. 156 s.
19. Gordon A.V. Krest'yanstvo Vostoka: Istoricheskij sub'ekt, kul'turnaya tradiciya, social'naya obshchnost'. M.: Nauka, 1989. 219 s.
20. Gordon A.V. Poreformennaya derevnya v civilizacionnom processe // Refleksivnoe krest'yanovedenie. M., 2002. S. 141–160.
21. Gordon A.V. Hozyajstvovanie na zemle – osnova krest'yanskogo samosoznaniya // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M.: ROSSPEN, 1996. S. 57–74.
22. Gorskaya N.A. Sobstvennost' v feodal'noj Rossii // Sobstvennost' na zemlyu v Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: ROSSPEN, 2002. S. 9–44.
23. Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli. Zametki o revolyucii i kul'ture. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 400 s.
24. Granin Yu.D. «Civilizaciya» i civilizacionnaya evolyuciya Rossii // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2021. T. 3. № 1. S. 81–98.
25. Graciozi A. Velikaya krest'yanskaya vojna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933 / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2008. 135 s.
26. Danilov V.P. Agrarnye reformy i agrarnaya revolyuciya v Rossii // Velikij neznakomec: krest'yane i fermery v sovremennom mire. M.: Progress: Progress-Akademiya, 1992. S. 310–321.
27. Dobrenko E.A. Formovka sovetskogo chitatelya: Social'nye i esteticheskie predposylki recepcii sovetskoj literatury. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 320 s.
28. Dobronozhenko G.F. Konceptual'nye modeli analiza social'noj grupy «kulaki» v otechestvennoj istoriografii // Istoriya v podrobnostyah. 2015. № 3 (57). S. 82–89.
29. Devid-Foks M. Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya? Per. s angl. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 4 (140). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (access date: 10.07.2023).
30. Zhizn' kolhoznicy Vasyunkinoj, rasskazannaya eyu samoj. Zapisala R. Lipec. M.; L.: OGIZ, 1931. 135 s.
31. Zhuravlev S.V., Muhin M.Yu. «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivaciya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. M.: ROSSPEN, 2004. 238 s.
32. Ivanova N.A., Zheltova V.P. Soslovno-klassovaya struktura Rossii v konce XIX – nachale XX veka. M.: Nauka, 2004. 572 s.
33. Ivnickij N.A. Repressivnaya politika Sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.). M.: IRI RAN, 2000. 350 s.
34. Iz perepiski Marksa i Engel'sa. VII. V. Zasulich i K. Marks // Arhiv K. Marksa i F. Engel'sa. Kn. 1 / Pod red. D. Ryazanova. M.: Gos. izd-vo, 1924. S. 270–286.
35. Il'inyh V.A. Raskrest'yanivanie sibirskoj derevni v sovetskij period: osnovnye tendencii i etapy // Rossijskaya istoriya. 2012. № 1. S. 130–141.
36. Kabytov P.S. Russkoe krest'yanstvo v nachale XX v. Samara: Samarskij universitet, 1999. 156 s.

37. Kara-Murza A.A. Istoriya civilizacii v Rossii: organicheskoe razvitie versus social'nyj konstruktivizm // *Voprosy filosofii*. 2021. № 7. S. 21–22.
38. Kara-Murza A.A. «Novoe varvarstvo» kak problema rossijskoj civilizacii. M.: Institut filosofii RAN, 1995. 209 s.
39. Kozlov S.A. Agrarnye tradicii i novacii v doreformennoj Rossii (central'no-nechernozemnye gubernii). M.: ROSSPEN, 2002. 557 s.
40. Kozlova N.N. Sovetskie lyudi. Sceny iz istorii. M.: Evropa, 2005. 526 s.
41. Koznova I.E. Byvshij krest'yanin: mezhdru sel'skim proshlym i gorodskim nastoyashchim // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. 2013 g. M.: Drevlekhranilishche, 2014. S. 220–233.
42. Koznova I.E. Kul'turnye aspekty sel'sko-gorodskogo vzaimodejstviya (na materialah krest'yanskogo othodnichestva nachala XX veka // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2022. T. 13. № 1. S. 39–55.
43. Koznova I.E. Obraz russkogo krest'yanstva v proizvedeniyah A. Platonova perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 2021. T. 27. № 3. S. 8–16.
44. Koznova I.E. Obrazy kulaka v narodnoj pamyati // *Istoriya v podrobnostyah*. 2015. № 3 (57). S. 68–81.
45. Koznova I.E. Obsuzhdenie problem obshchinnogo zemlepol'zovaniya v krest'yanskoj srede v 1920-e gody // *Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Rossii (social'no-pravovye aspekty)*. Mat. XXVIII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. Kaluga, 2003. S. 275–287.
46. Koznova I.E. Stalinskaya epoha v pamyati krest'yanstva Rossii. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2016. 464 s.
47. Kondrashin V.V. Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokah stalinizma. M.: ROSSPEN, 2009. 574 s.
48. Korelin A.P. Agrarnyj sektor v narodnohozyajstvennoj sisteme poreformennoj Rossii (1861–1914 gg.) // *Rossijskaya istoriya*. 2011. № 1. S. 43–52.
49. Koconis Ya. Kak krest'yan delali otstalymi: Sel'skohozyajstvennyye kooperativy i agrarnyj vopros v Rossii (1861–1914 gg.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 313 s.
50. Krest'yanstvo i rynek: nauchno-analiticheskij obzor / A.V. Gordon. M.: INION, 1995. 79 s.
51. Kuz'min A.V. Vzaimnaya identifikaciya krest'yan i dvoryan Rossii konca XIX – nachala XX vv. Tambov: Biznes-Nauka-Obshchestvo, 2012. 235 s.
52. Kurenyshev A.A. Vserossijskij Krest'yanskij Soyuz. 1905–1930 gg. Mify i real'nost'. M.; SPb.: AIRO-HH, Dmitrij Bulanin, 2004. 333 s.
53. Levin Mihail. Derevenskoe bytie: nraavy, verovaniya, obychai // *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*. *Ezhegodnik 1997*. M.: Centr agrarnyh issledovanij, 1997. S. 84–127.
54. Levin Moshe. Sovetskij vek / Per. s angl. M.: Evropa, 2008. 680 s.
55. Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada / Pod obshch. red. Yu.L. Bessmertnogo; poslesl. A.Ya. Gurevicha; per. s fr. M.: Progress-Akademiya, 1992. 372 s.
56. Lenin V.I. Stolypin i revolyuciya. URL: <https://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/statyavi-lenina-stolypin-i-revoljuciya-opublikovannaya-v-gazete-social-demokrat> (access date: 17.07.2023).
57. Leont'eva T.G. Vera i progress: Pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. M.: Novyj hronograf, 2002. 253 s.
58. Lozbenev I.N. Krest'yanskaya obshchina v gody nepa // *Voprosy istorii*. 2005. № 4. S. 112–120.
59. Lyukshin D.I. Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie. M.: AIRO-HH, 2006. 133 s.
60. Mazur L.N. Rossijskaya derevnya v usloviyah urbanizacii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX – XX v.). Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2012. 471 s.

61. Marks K. Klassovaya bor'ba vo Francii s 1848 po 1850 g. // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd.. T. 7. M.: Gosud. izd-vo polit. literatury, 1956. S. 5–110.
62. Marks K. Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasluch // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd.. T. 19. M.: Gosud. izd-vo polit. literatury, 1961. S. 400–421.
63. Macuzato K. Stolypinskaya agrarnaya reforma i russkaya agrotekhnologicheskaya revolyuciya // Otechestvennaya istoriya. 1992. № 6. S. 194–200.
64. Milov L.V. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa. M.: ROSSPEN, 1998. 572 s.
65. Mironov B.N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v. V 2 t. 3-e izd., ispr., dop. T. 1. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 548 s.
66. Na korme vremeni: Interv'yu s leningradcami 1930-h g. / Pod obshch. red. M. Vituhovskoj. SPb.: Zhurnal «Neva», 2000. 381 s.
67. Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. T. 1. 1900–1939 / Otv. red. Yu.A. Polyakov. M.: ROSSPEN, 2000. 459 s.
68. Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. T. 3. Kn. 1: 1960–1979 / Otv. red. Yu.A. Polyakov. M.: ROSSPEN, 2005. 302 s.
69. Nikitin N.I. Russkaya kolonizaciya s drevnejshih vremen do nachala XX veka (istoricheskij obzor). M.: IRI RAN, 2010. 221 s.
70. Nikol'skij S.A. Agrarnyj kurs Rossii (Mirovozzrenie reformatorov i praktika agrarnyh reform v social'no-istoricheskom, ekonomicheskom i filosofskom kontekstah). M.: KolosS, 2003. 376 s.
71. Nikol'skij S.A. O probleme civilizacii i civilizacionnom razvitii Rossii. Istoriosofskij analiz // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2021. T. 3. № 1. S. 99–127.
72. Nikol'skij S.A. Sovetskij chelovek kak poznavаемaya real'nost'. Ch. 2 // Chelovek. 2021. T. 32. № 3. S. 168–172.
73. Okuda H. O ponyatii «kulak» v sovetskoj derevne 1920-h gg. // Istoriya v podrobnostyah. 2015. № 3 (57). S. 26–33.
74. Okuda H. «Ot sohi k portfelyu»: derevenskie kommunisty i komsomol'cy v processe raskrest'yanivaniya (1920-e – nachalo 1930-h gg.) // Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Mat. Mezhdunarod. nauch. konf., 5–7 dekabrya 2008 g. M., 2011. S. 510–519.
75. Platonov A. Dobraya korova // Smerti net! Rasskazy i publicistika 1941–1945 gg. / Sost., podgot. teksta, kom. N.V. Kornienko. M.: Vremya, 2012. S. 267–277.
76. Platonov A. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii. / Publ. M.A. Platonovoj; sost., podgot. teksta, predisl. i primech. N.V. Kornienko. M.: Nasledie, 2000. 424 s.
77. Platonov A. Staryj chelovek Nikodim // Smerti net! Rasskazy i publicistika 1941–1945 godov / Sost., podgot. teksta, kom. N.V. Kornienko. M.: Vremya, 2012. S. 47–52.
78. Platonov A.P. Chevengur // Sobr. soch. T. 3. M.: Vremya, 2011. S. 5–482.
79. Posadskij A.V. Voenno-politicheskie aspekty samoorganizacii rossijskogo krest'yanstva i vlast' v 1905–1945 godah. Saratov: Nauchnaya kniga, 2004. 443 s.
80. Postnikov S.P., Fel'dman M.A. Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg. M.: ROSSPEN, 2009. 366 s.
81. Prigovory i nakazy krest'yan Central'noj Rossii. 1905–1907 gg. // Sb. Dok. / Pod red. V.P. Danilova i A.P. Korelina; avt.-sost. L.T. Senchakova. M.: Editorial URSS, 2000. 416 s.
82. Rogalina N.L. Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX veka. M.: Encikl. Ros. dereven', 2010. 256 s.
83. Rossiya v nachale XX veka: narod, vlast', obshchestvo / A.N. Saharov (ruk. avt. kollektiva) i dr. M.: Direkt-Media, 2014. 593 s.
84. Russkie Ryazanskogo kraja. Otv. red. S.A. Inikova. V 2 t. T. 2. M.: Indrik, 2009. 748 s.
85. Safonov D.A. «Zemlya i volya» kak vekovaya mechta rossijskogo krest'yanstva // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. T. 25. № 189. S. 149–154.

86. Saharov A.N. Konstitucionnye proekty i civilizacionnye sud'by Rossii // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 5. S. 3–38.
87. Semenov S.T. Dvadcat' pyat' let v derevne. Pg.: Zhizn' i znanie, 1915. 371 s.
88. Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke / Pod red. V.V. Babashkina. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 743 s.
89. Sorokin P.A. Ideologiya agrarizma. Praga: Hutor, 1924. 35 s.
90. Sorokin P.A. Sovremennoe sostoyanie Rossii. Praga: Tip. «Lingva», 1922. 107 s.
91. Staryj i novyj byt / Sb. pod red. V.G. Tana-Bogoraza. L.: GIZ, 1924. 143 s.
92. Suhova O.A. Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii social'noj psichologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konec XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya. M.: ROSSPEN, 2008. 679 s.
93. Trockij L. Literatura i revolyuciya. M.: Krasnaya nov' : Glavpolitprosvet, 1923. URL: http://az.lib.ru/t/trockij_l_d/text_1923_literatura_i_revolutzia.shtml (access date: 20.06.2023).
94. 1917 god v derevne / Sost. i snabdil ocherkami po rajonom i guberniyam I.V. Igrickij; pod red. i s predisl. Ya.A. Yakovleva. M.; L.: Gos. izd-vo, 1929. 360 s.
95. Tyukavkin V.G. Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001. 302 s.
96. Hell'bek J. Revolyuciya ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj epohi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 416 s.
97. Hoffman Devid L. Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskij socializm. 1914–1939. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 422 s.
98. Chayanov A.V. Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoj utopii. M.: Gos. izd., 1920. 64 s.
99. Shanin T. Neudobnyj klass. Politicheskaya sociologiya krest'yanstva v razvivayushchemsya obshchestve. Rossiya. 1910–1925. M.: Delo, 2020. 409 s.
100. Shanin T. Revolyuciya kak moment istiny. 1905–1907 → 1917–1922 gg. M.: Ves' Mir, 1997. 554 s.
101. Shenk F.B. Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: Svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroy (1263–2000) / Per. s nem. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 589 s.
102. Hoffmann David L. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1994. 282 p.
103. Shanin Teodor. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford Univ. Press, 1972. 253 p.